

Руки честного трудяги. Сухие, шершавые, загрубевшие, обветренные, возможно. Руки, которые годами работали с химическими веществами, впитывали краску, воски, спирты, жировые добавки, эфиры. Руки неподвижные, как у хирурга, словно одеревенелые, но на самом деле затаившиеся перед следующим микродвижением — точным, отрепетированным, таким, от которого многое зависит, действительно многое, ведь долгая череда этих микродвижений в результате определит судьбу человека, по крайней мере недели на две. Настроение, планы, самоощущение личности на две недели минимум будут зависеть от сноровки этих рук, от мгновенной реакции мышц на сигнал, посылаемый мозгом, от ловкости, от легкости, от устойчивости и неприхотливости. Ничего не требовать, ни в чем не нуждаться, стремиться к стопроцентному результату — таков удел этих рук.

За свою сорокалетнюю жизнь рукам довелось рыть землю; держать инструменты, из которых пинцет был самым маленьким, а топор самым большим; водить машины, из которых классические «жигули» были самым маленьким транспортным средством, а трактор — са-

мым большим; сверлить лед на замерзшем озере перед рыбалкой; держать большой фонарь горизонтально, так, чтобы хижина шамана не затерялась в лесной чаще; подписывать важные юридические документы — самое простое, что доводилось делать этим рукам.

Наверное, руки следовало бы назвать всеведущими или просто очень опытными в силу невероятного объема знаний о жизни, быте, самоощущении, настроении, планах, прошлом отдельных личностей, коих насчитывались сотни, а может, и больше. За время карьеры руки научились принимать и отдавать, держать и контролировать, а главное — руки научились не упускать того, что идет прямо в руки.

Руки быстро приравнивались к условиям среды: сквозняк ли, мороз ли, жара и пот, стресс, перенапряжение, голод, неудобные материалы и оборудование. Руки приспособлялись.

Ночью, нащупывая пружины старого матраса или воздушную итальянскую простыню, утром, касаясь дешевой пластмассовой ручки электрического чайника или кнопки кофемашины последней модели, поворачивая засаленный кран в ванной комнате старенькой квартиры или сияющий кран апартаментов, руки знали, что их ожидает — холодный ключ, который надо будет повернуть в замочной скважине дважды; колючие шерстяные перчатки или мягкие, от кутюр; затертые до шелковистости денежные купюры возле кассы или выпуклые цифры на поверхности платиновых банковских карт; вибрация электрички или бесшумный ход дорогого автомобиля; чье-нибудь неловкое прикосновение или удар; ветер, дождь или снег,

иногда солнце, но чаще всего ветер; гладкие кнопки домофона, ребристая заплыванная решетка ворот, скользкие бахилы, теплая рука кого-нибудь из коллег, резиновые перчатки и — личности с их самоощущением, планами и настроением. Часто руки обходились без перчаток. Потому что они ничего не боялись, не беспокоились понапрасну, вели себя сдержанно и мудро, немного легкомысленно, но в этом нет ничего удивительного, ведь руки воспринимали мир поверхностно.

У рук были свои планы. Погладить кота. Нажать кнопку на пульте от телевизора. Почистить банан. Взять пакет кефира из холодильника или бокал шампанского с барной стойки ресторана. Подписать завещение. Обнять ребенка. Рано или поздно руки намеревались осуществить все намеченные планы и относились к ним со всей серьезностью, как и подобает ответственным рукам честного трудяги, ежедневно зарабатывающего на хлеб с маслом.

Сухие руки, у которых когда-то не водилось денег на хороший увлажняющий крем. Руки, которые за собой не ухаживали, потому что ухаживали за другими или потому что со временем одичали, решили, что и так нормально и не стоит никого впечатлять, радовать своей гладкостью, мягкостью, красотой — всем тем, чего жаждали клиенты со своим самоощущением, планами и настроением.

Руки, которые держали меня за руки на протяжении нескольких лет. Это были руки самого странного человека, которого я знала в те годы. Руки моей маникюрши Юли.

Юля всегда говорила странные вещи, совершала странные поступки, поэтому мне с ней было легко. Я чувствовала, что тоже могу вести себя странно, задавать странные вопросы — в общем, не притворяться.

— А ты могла бы человеку ногу отрезать или руку, ну, если бы пришлось? Вот с помощью твоих маникюрных инструментов, я имею в виду. Никакой тебе пилы.

Юля медленно откусывала от моего безымянного пальца по кусочку, удаляла размягченную кутикулу, и мне чудилось, будто сейчас что-то произойдет, что-то опасное. У Юли в салоне меня охватывало чувство необъяснимого беспокойства. Я часто думала, что больше к ней не приду. Но все равно возвращалась. Хорошую маникюршу не хочется менять, как хорошего гинеколога.

— Если бы пришлось, думаю, могла бы. Но культя осталась бы плохая. Протез человек вряд ли смог бы носить.

Юля приготовила алмазную каплевидную фрезу для аппаратной чистки пазухи между ногтевой пластиной и боковым валиком.

Мини-дрель зажужжала, и фреза стала вращаться со скоростью 25 000 оборотов в минуту.

* * *

Юля выросла в селе М. в Алтайском крае. Из детства она ярче всего запомнила бабушкино лицо на фоне слепящего ледяного солнца. Они тогда шли из школы по лесной тропинке. Лес чередовался с прогалинами, и на одной из них, как в снежном облаке, все мерцало, сияло, белело. Легкая приятная пустота и чи-

стый холодный воздух, а на фоне светозарного неба бабушкино лицо: молодое, худое, почти без морщин, с большими синими глазами, с веснушками и длинными ресницами, не очень красивое, зато спокойное, не такое, как у мамы. Мама Юлю бросила, сбежала с новым мужем в Краснодар. Один только раз пригласила Юлю погостить. Девочке тогда уже исполнилось четырнадцать. И второе, последнее воспоминание из детства: ссора из-за лифчика, большая чувствительная грудь, на которую не налезала нормальная одежда и которая сковывала, не давала бегать. Мама орала, что нужны деньги, что лифчик подождет. Мама все время пила, и муж новый пил. Вернувшись к бабушке, Юля отказалась впредь навещать маму.

Затем внезапно детство кончилось — с каким-то парнем, на скамейке в школьном спортзале. Парень вскоре исчез, а Юля родила сына и больше не узнавала свое тело. Грудь и живот обвисли, щеки стали толстыми, ягодицы — тяжелыми. Порой она смотрела по телевизору передачи о пластических операциях в Голливуде, мечтала тоже когда-нибудь сделать себе грудь.

Артемка рос с мамой и прабабушкой. Он был из числа детей, которых называют сложными, подразумевая легкое слабоумие, аутизм, неполноценность, граничащую с болезнью, но все-таки не болезнь. Мальчик не любил разговаривать, иногда молчал, даже если ему задавали вопросы, редко смотрел людям в лицо, но, когда поднимал глаза, было видно: он понимает, просто не хочет говорить. Юле приходилось кричать, чтобы добиться ответа, пока однажды она не нащупала заветную формулу: «Не хочешь, не говори». Стоило

произнести эти четыре слова, и Артемка вдруг начинал говорить, говорил мало, коротко и неохотно, но по существу.

Однажды они с прабабушкой Раей, которую Артемка называл просто «баба» и с Юлей обедали на веранде. Весна выдалась неудачная, то дождь и +10, то снег и +4, под ногами грязь, еще не растаявшие сугробы, над головой сумрачное небо, но на веранде уже не колотун, как зимой, и можно обедать.

Двенадцатилетний Артемка, только что вернувшийся из школы, молча окунал блины с мясом в сметану и задумчиво жевал. Он поставил локти на клеенчатую скатерть и растопырил пальцы прямо перед лицом, словно держал невидимый шарик. Время от времени указательным и средним пальцами он утрамбовывал во рту мясо с рисом или выковыривал кусочки из зубов. Потом снова растопыривал жирные пальцы у себя перед носом.

— А нельзя есть по-человечески? Возьми хоть ложку! Куда ты столько заглатываешь? Боишься, что ли, что отберут? — воспитывала внука баба Рая.

Артемка не отвечал. Смотрел узко посаженными голубыми глазами в тарелку и тихо, сосредоточенно водил челюстями.

— Пускай ребенок ест, как ему удобно, — резко сказала Юля и погладила сына по густой рыжей шерстке, сплошь покрывшей голову короткими маленькими колечками.

— А ты была ребенок? — вдруг спросил Артемка, не поднимая глаз.

— Что? — не поняла Юля.

— Ты была ребенок, когда я родился?

Юля изменилась в лице и замолчала. Глубоко вдохнула, сжала губы, сделала языком движение вперед-назад не открывая рта, сглотнула, чтобы не заплакать, выдавила:

— Мне было шестнадцать.

— И ты, чтобы меня кормить, торговала телом?

— Что?

— У вас в салоне красоты. Ты торговала своим телом?

Юля слегка качнула головой, как бы уходя от самой себя, сियाсь себе соврать. Снова проделала губами и языком те же движения, что в первый раз. Не глядя ни на бабушку, ни на сына, тяжело выдохнула:

— Вроде того.

Артемка отодвинул пустую тарелку с размазанной по краям сметаной, вытер рот рукавом, потому что оцепеневшая баба Рая не успела подсунуть салфетку, аккуратно выдвинулся из-за стола, встал и ушел на улицу. Дверь закрыл за собой осторожно.

— Надо было соврать! — Баба Рая стала складывать грязную посуду в жестяное корыто, а Юля, растерянно зарыдав, побежала в дом.

С детства баба Рая приучала Юлю к тому, что бедный дом может стать красивым и уютным, а в жизни есть ценности посерьезнее денег, внешности, мужа и даже матери. Про деньги, внешность и мужа Юля хоть и не хотела понимать, но понимала, а вот про маму никак не могла взять в толк. «Я за всю жизнь только одно поняла, Юленька: надо работать с тем,

что есть. Вот есть у тебя я — цени меня. Есть у тебя наш дом, твой сын — цени. А матери с отцом нет — и не надо. Ты подумай, у тебя ведь нет другой жизни, жизнь одна. Тебе уже двадцать семь лет. У тебя есть только та жизнь, которую ты имеешь. Представь, что ты не знаешь о том, что у тебя была мать. Если бы ты не знала, ты бы и не думала. Телевизор-то — он чем плох? Тем, что показывают то, чего у нас нет, заставляют об этом думать. А думать об этом не надо. Думать об этом вредно. Ты лучше стихи почитай — да такие, чтоб мудреные. Чтоб непонятные. Как музыка. Или просто музыку послушай. Без слов. Она непонятная. Что непонятно, то хорошо. Красиво, до дрожи пробирает, но непонятно. Стихи и музыка душу возвысят. Ты послушай, почитай. А остальное не надо бы. Журналы не надо. Газеты не надо. Это плохо. Интернет самое большое зло, потому что там всё. А жизнь одна, и надо учиться проживать её, её, понимаешь? А не то, что тебе показывают, не то, чего у тебя нет, не то, что могло бы быть. Не живи жизнью других. Не мечтай. Выдохни. Взгляни на то, что у тебя есть. Этим и живи».

Юля смотрела на то, что у нее есть. Баба Рая была на выдумки хитра. Однажды ей подруга, медсестра из больницы, подарила красивое пластмассовое голубое судно. Сказала — пригодится в хозяйстве. Станный подарок, но баба Рая тут же сделала из судна вазу для фруктов. Юля тогда смеялась до слез. Ведь и правда голубое судно в тон к кухонным занавескам стильно смотрелось на столе. Еще баба Рая всегда украшала стол цветами или делала композиции из сухих веток, вереска и шишек. Колесо от сломанного детского велосипеда по-

мыла, прикрепила к стене в спальне и вешала на спицы бусы, полотенца, кулоны на цепочках — прилаживала побрякушки так, что не падали. Сама связала разноцветные коврики и постелила в двух комнатах и в кухне. Сама сшила бледно-розовые занавески с птичками для веранды. Вообще бабушка прекрасно вязала и шила. Юля сроду не покупала себе одежды. Кроме верхней и белья. На двадцать пятый день рождения баба Рая сшила Юле темно-синее платье до колена с небольшим V-образным вырезом. Юля и спустя пятнадцать лет обожала это платье, говорила, что когда она в нем, голубые глаза ярче и рыжие волосы блестят круче.

Маминых вещей в доме не было. Даже маминой фотографии не было ни одной. Бабушка от всего избавилась. Отца Юля никогда не знала. Баба Рая приучила ее к мысли, что знать его не надо. Поэтому Юля не хотела знать. Иногда она удивлялась тому, как легко ей жить. Казалось бы: отца не знала, мать бросила, мужа нет — жизнь должна быть тяжелой. Положено страдать. Но тяжести Юля не ощущала, и если бы у нее спросили про счастье, она искренне ответила бы, что счастлива. Потому что в доме тепло — они с бабушкой дров накололи и печь растопили, вон старые газеты в уголке ровной стопочкой лежат, ждут огонька; потому что летом, когда тепло, можно вынести на улицу, на травку, пластмассовый столик на качающихся железных ножках и поставить на него миску с салатом из овощей, которые в огороде растут; потому что на продавленной кровати у стенки крепко спится, а если ноги вытянуть, то дотронешься до другой стенки, теплой, нагретой от печки; потому что Артемка здоровый и спокойный, до-

брый, и кто бы там что ни говорил, он — ее лучшее творение; потому что с девчонками в салоне можно поболтать, выпить и повеселиться; потому что до Горного Алтая рукой подать, а там такая жизнь, что лучше и правда отрубить телефон, не смотреть телевизор, все равно ничего прекраснее в мире нет — белоснежного снега, разноцветных лесов, голубого неба, облаков, изумрудных озер, прозрачного льда и этой божественной геометрии — горных треугольников, трапеций, водных овалов, кругов рая. Юля была в Горном только один раз, очень давно, еще в детстве.

Она не стыдилась того, что в течение нескольких лет после рождения Артемки брала в салоне дополнительную работу. Девчонки-парикмахерши до сих пор этим занимались. И ничего. У некоторых даже мужья знали. Деньги-то нужны. На красоте ногтей далеко не уедешь. Проблемы начинались за стенами салона. Село маленькое, жены узнавали об измене, приходили, устраивали скандалы. Одна девица, Инна, мамаша Артемкиной одноклассницы Лизы, как-то с ножом для мяса явилась, хотела всем клиенткам и мастерам пальцы отрезать. Пришлось полицию вызвать. Приехал Мишка, Юлин друг детства, он и сам иногда в салон заходил, а с мужем Инны каждые выходные надирался до чертиков. Он сначала хохотал, потом взял себя в руки, скрутил Инну, вышвырнул из салона и уехал. Это случилось лет пять назад, но с тех пор Юлю мамаша из родительского комитета терпеть не могли. А заодно и учителя. И Артемку поэтому не любили. Юля однажды на родительском собрании услышала, как за ее спиной одна мамаша сказала другой: «Мел-

кий даун этой шлюхи». Она тогда вскочила, схватила за горло разговорчивую мымру и пообещала удавить, если еще раз услышит, как оскорбляют сына. «Я тебе, дрянь, язык отрежу, у меня инструмент специальный есть. Чик-чик!» Юля давно поняла, что в этой волчьей стае нельзя никому ничего спускать. Нет никого, кто заступится, кто встанет на твою сторону. Первый год на школьных собраниях она пропускала оскорбления мимо ушей. Но потом стало ясно: с каждым пропущенным оскорблением, с каждой скрывшейся из виду проблемой, с каждым якобы не замеченным презрительным взглядом или наглой ухмылкой власть мамаш из родительского комитета растет. И бесполезно ждать помощи от учителей или от директрисы — они все заодно. Все из одного теста. Жизнь потрепала их будь здоров, но они не стали от этого милосерднее, добрее к другим или мудрее. Они безвкусно одевались, слишком ярко красились, не умели ухаживать за кожей и волосами, чаще всего слишком увлекались спиртными напитками и были в два раза старше Юли. Наверное, они завидовали ее молодости, ее свежести, тому, что их гулящие мужья предпочитали ее, «даун» Артемка получал сплошные пятерки и четверки, а на беленький домик, сад и огород летом было не налюбоваться.

Борьба мамаш перерастала в борьбу детей. Одноклассники с Артемкой не дружили, на уроках вечно его подкалывали, смеялись, на переменах толкали, на физкультуре норовили сбить с ног, ударить, пнуть — в общем, избить. В отличие от мамы, Артемка не умел защищаться, он надеялся, что все уладится само собой, если не обращать внимания. На мамины и бабушкины